

ЗАВИСИМОСТЬ, ЖЕЛАНИЕ И УДОВЛЬСТВИЕ: СИНГУЛЯРНОСТЬ КОНТРОЛЯ

Общества контроля – концепт сформулированный Жилем Делёзом на закате его жизни, ставший во многом пророческим и определяющим дальнейшее развитие европоцентричной политической мысли. Делёз буквально заложил основы данного концепта, не раскрыв его полноценного и всестороннего содержания. Во многом контролю свойственна сущность тёмного витализма, поскольку сам по себе контроль рационален до такой степени, что укореняется в исключительно иррациональном. Данное исследование направленно на анализ явления контроля в контексте взаимодействия медийного пространства общества и биологического начала.

Ключевые слова; Общества контроля, дисциплинарное общество, медиа.

Диспозитив дисциплинарности конституировал генеалогический концепт последующего общества контроля, в контексте микрофизической структуры онтологии контроля, как явления сущностного для современности.

Современность детерминированная дисциплинарностью, как явлением абсолютизировавшим явление удовольствия, преимущественно реализуется в основных трёх практиках в совокупности составляющих контроль, как конструктор онтологии – зависимость, желание и удовольствие.

Классический век, в терминологии Фуко, обозначил дисциплинарное общество, как организацию человеческих существ, реализующих производство общественного блага в рамках внутренней логики самого общества, то есть общество как система, является замкнутой структурой, реализующей свою внутреннюю логику через подчинение индивидуальности, зачастую иррациональной, в угоду рациональности, которая в конечном итоге позволяет воспроизвести благо в любом его выражении; знание, продукте, товаре, услуге и в любом ином варианте [Делёз, 2004, с. 226].

Дисциплинарность не составляет отдельно взятую институцию общества или же конкретную универсалию, она состоит из совокупности всех явлений в своём единстве. Фуко концептуализировал данную константу дисциплинарного

общества в следующем выражении «Власть повсюду не от того, что она пронизывает всё, но от того, что она исходит отовсюду» [Низовцев, 2015, с. 51], этим же выражением Фуко констатировал и тот факт, что свобода, как категория, аналогичным образом присутствует в каждом дисциплинарном начале. Свобода равным образом исходит отовсюду, потому как сама властная концепция отношения бессмысленна в случае отсутствия свободы. Свобода конституирует субъект общества контроля, поскольку вне рамок контроля существует исключительная субъективность индивида, реализуемая в мизерной неподконтрольной доле. В случае отсутствия свободы как явления, общество не представляло бы из себя пространство субъектов, оно скорее бы представляло из себя.

Контроль, в различных его проявлениях, стремится рационализировать в том числе и смерть, через различные практики обращения с телом. Смерть как институция, является маркером состояния общества. Дисциплинарность обращается с телом как с предметом, вещью. Концепция дисциплинарного лагеря, неважно ГУЛАГ это или фашистский концентрационный лагерь, их механическая сущность производства едина в вопросе производства специфической рабочей силы. Лагерь выжимает весь заложенный в человека рабочий потенциал, а в конечном итоге выдаёт главный продукт лагеря как механического явления – смерть. Смерть в лагере десакрализована, тело не является неким атрибутом живого, тело является атрибутом некогда живой рабочей силы, лишь производным отходом данного специфического производства. Человек индивидуализируется и деперсонализируется в лагерных реалиях; имя заменяется на личный номер, внешний вид приводится в строгое соответствие с установленными правилами. Жизнь в лагере представляет собой не более чем бюрократическую проволочку с момента поступления человека в лагерь и момента его овеществления. В лагере осуществляется не захоронение некогда живых людей, в лагере осуществляется захоронение отработанного сырья [Скопин, 2019, с. 90].

Производство смерти, которое предварительно деперсонализируя человека и овеществляя его производит смерть никак сакральную субстанцию, но как

явление опосредованное от жизни. Если же человек не исключённый из общественного тела умирает сакрально, то есть его тело проходит специфический ритуал захоронения, при котором некогда живой человек сублимируется в своей смерти индивидуализируясь в собственном теле. Его тело создаёт место паломничества, место памяти, тем самым не происходит окончательное исключение его из общественного оборота, в то время как смерть в лагере окончательно деперсонализирует человека, преобразуя его в рабочую силу.

Желание живой вещи – быть человеком, то есть полноценным субъектом, главное его удовольствие, не быть дисциплинированным даже в собственной смерти, а главная зависимость – в его собственной жизни, в этой незначительной субстанции в рамках дисциплинарного лагеря.

Дисциплинарное общество в большей степени акцентуализировало собственный вектор зависимости и удовольствия, в то время как общества контроля в большей степени заостряют внимание на желании, как специфичной форме субъективного бытия.

Дисциплинарные общества различными методами провоцировали зависимость субъекта, прежде всего зависимость конституировалась в самом общественном строе, через непосредственную привязку к определённому положению и социальной роли различными дисциплинарными практиками. К примеру буржуазные классы классического века, изначально факт своего рождения предписывали к определённому положению, выражающего их специфическое положение в рамках системы распределения общественных, социальных и иных благ, им в силу их рождения положено больше, нежели чем другим.

Кроме того, именно в классическом веке активно развивается институт наркотической зависимости, возникают новые виды наркотиков, они становятся максимально доступными для потребителей. Как позже выразился Уильям Берроуз «Наркотики – отличное средство государственного диктата, его не раскрыть путем легализации, потому что власти будут сдерживать ее всеми силами.» [Одье, 2015, с. 301], зависимость – одно из средств управления как инди-

видом, так и массой. Наркотик как средство управления и контроля аккумулирует в себе совокупность методов психологической и биологической зависимости.

Олдос Хаксли, в своём романе «О дивный новый мир», также приходит к анализу института зависимости, в данном романе фигурирует наркотик «сома», как средство которое позволяет людям воспринимать своё положение совершенно иначе, нежели чем оно есть на самом деле. Принимая «сому», человек находил в своём положении удовольствие. Наркотик создаёт виртуальную концепцию удовольствия от собственного бытия [Хаксли, 2015, С 121].

Генеральный нарратив творчества Уильяма Берроуза – контроль. Роман «Голой завтрак» поднимает проблему зависимости от наркотиков, автобиографичный в каком-то смысле роман повествует о борьбе Берроуза с наркотической зависимостью, которая выступает средством внешнего контроля. «Торговец джанком не продает свой товар потребителю, он продает потребителя своему товару» [Берроуз, 2000, С 167], Берроуз намерено вводит категория обесценности субъекта, зависимого субъекта не существует, существует лишь объект контроля. Наркоман в любом случае вступает в отношения зависимости со своим дилером, а в случае с социальной системой США, в прямое отношение зависимости с самим государством.

Зависимость порождает гипертрофированное желание, как в контексте наркомании, вызывая желание достижения большего результата, так и в контексте социальных и общественных явлений в целом.

Берроуз в своей книги «Мягкая машина», формирует проблематику подконтрольного тела, контроль различными способами влияет на тело человека, конструирует его, либо же разрушает. Власти, как внутренней логике общественных отношений, в некой степени выгодно конструировать тело война, тело существа, которое в случае необходимости в логике механического мышления будет подключено к дубинке и соответственно будет порождать удары, боль и

моральную деструкцию. Либо же разрушать тело маргинальных слоёв населения путём накачки их наркотиками, алкоголем, вредной пищей и прочим.

Общества контроля в отличие от обществ дисциплинарных, воздействуют на индивида не внешне, средствами муштры и прочих дисциплинарных практик, но изнутри, средствами нейро-лингвистического программирования, выработки физической зависимости от каких-либо медикаментов и прочих форм и разновидностей биовластного воздействия. Контроль стремится репрезентировать себя в самом сознании индивида, либо же в сознании общественном.

«Мягкая машина», как философский концепт, представляет собой гибкое тело, гибкость достигается социокультурными, дисциплинарными, гносеологическими и иными практиками. Мягкая машина пересекается с концепцией номада Жюль Делёза, номад хотя и является образом странника и кочевника, фигуры оторванной от территориальности и соответственно традиционно исключённой из иерархичных отношений руководства и подчинения, номад, как бы исключён из общества, оторванность от достижения конечности конституирует данный образ как единицу действия без оконченного результата. Номад бесконечно желает, но он никогда не удовлетворён, отсутствует сам акт наслаждения, жизнь номада – погоня за удовольствием [Делёз, Гваттари, 2007, С. 458].

Концепции гиперреальности, акторно-сетевых теорий, гибридных пространств и прочего строятся на экстерриториальном принципе деконструкции государства. Цифровые революции, коммуникационные прорывы формируют новую реальность, в которой территориальности более нет места, процессы приобретают колоссальные скорости, в связи с чем сами общественные отношения принимают формат «текучести».

Делёз унифицирует кочевников в единый стан нового витка деконструкции, обилие детерриторизированных номадов, формирует новую концепцию организации социума, новые взаимодействия реализуются в парадигме механического мышления и сетевого концепта. Каждый номад осознаёт собственную исключительность, но всё же осуществляет собственную деятельность в общей

парадигме контроля, он желает удовольствия, стремится к нему и приводит в действие машину желаний. Определяющую вектор развития моды и прочих массовых явлений современного социума.

Удовольствие – данный концепт в философии постмодерна является прозрачным, безусловно достигается зависимость и формируется желание, но удовольствие является виртуальным.

Удовольствие в логике сетевого управления индивидуальностью структурирует и унифицирует виртуальное удовольствие индивида и общества в целом. Желание формируется в зависимости, в зависимости от цифрового и виртуального образа жизни. Гипертрофированное потребительское желаниеномада, кочевника и прочего обывателя современности преследуют исключительно не экологичные формы потребления вовлекающие человека в пучины контроля.

Дисциплинарные общества эффектно и красочно описал Джордж Оруэлл в своём романе антиутопии «1984», большой брат и тотальный контроль государства. Фигура большого брата, как вездесущего ока, во многом повторяет концепцию паноптической тюрьмы Бентама. «Приходилось жить – и ты жил, по привычке, которая превратилась в инстинкт, – с сознанием того, что каждое твое слово подслушивают и каждое твое движение, пока не погас свет, наблюдают» [Оруэлл, 2019, С. 113], присутствие потустороннего наблюдателя формирует дисциплинарность топорными методами муштры. Подобного рода общества стремятся к систематизации и унификации масс, в то время как общества контроля абсолютно не системны и дезорганизованы. «...в обществах контроля, напротив, ничто никогда не кончается – корпорация, образовательная система, служба в армии являются метастабильными состояниями, которые могут существовать рядом друг с другом в рамках одной и той же модуляции как универсальной системы деформации» [Оруэлл, 2019, С. 143], контроль существует одновременно в каждом модуле дисциплинарности, изолированных пространств более не существует, существует монопространство аккумулирующие в себе множественный конгломерат институтов.

Контроль, как явление пришедшие на смену дискретной дисциплинарности, представляет собой деформированную сингулярность. Единство зависимости, желания и удовольствия конструируют контроль.

Единственный инструмент противодействия контролю – подлинное удовольствие реализуемое в рамках дискурса о субъективности.

Мишель Фуко на закате своей жизни совершил резкий поворот в своей деятельности от анализа социальных форм власти к практикам конструирования собственной субъективности в эпоху гипертрофии объекта. Именно с этим связано последние концепция Фуко – «Забота о себе». Фуко рассматривает данный вопрос в контексте античности, парессия и стоицизм выступают базовыми идеями, но не конечными. Сама жизнь Фуко является борьбой за собственную субъективность – различного рода практики нетрадиционной любви, наркотические практики, кинические философские жесты и прочие, составляли костяк удовольствий от жизни Фуко [Фуко, 2014, с. 289].

Политическая онтология европоцентричного сознания, как коллективного, так и индивидуального, репрезентируется именно в трёх монументальных столпах контроля; зависимости, желании и удовольствии. Все указанные категории являются метаморфными и эфемерными, сам конструкт политической онтологии контроля строится на неуловимости и скоротечности происходящих процессов в рамках гибридного общественно-цифрового пространства. Сублимация симуляции из квази – реальных отношений составляет фантомную онтологию контроля, реализующую различного рода социально-политические программы.

Библиографический список:

1. Берроуз У. С. Голый завтрак: роман / пер с англ. В. Когана. Электронная революция: статья / пер с англ. М. Немцова. – М.: Глагол, 2000. – 304 с.
2. Делез Ж. 2004. Post scriptum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры. – СПб. 2004. – 235 с
3. Делез, Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез ; Жиль Делез, Феликс Гваттари ; [пер. с фр. Д. Кралечкина]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 670 с. – (Philosophy). – ISBN 978-5-9757-0192-3. – EDN QWQOQF.

4. Интервью с Уильямом Берроузом / Даниэль Одьё; пер. с англ. Н. Абдуллина. – М.; АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ. 2011. – 315 с.
5. Низовцев Д.Б. Проблема власти в работах Мишеля Фуко. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2015. – № 4. – С. 49–57.
6. Оруэлл Дж. 1984: роман / пер. с англ. В. Голышева. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 318 с.
7. Скопин, Д. Управление умершими: дисциплина и биополитика / Д. Скопин // Логос. – 2019. – Т. 29. – № 2 (129). – С. 82–103. – DOI 10.22394/0869-5377-2019-2-82-101. – EDN WKQJHY.
8. Фуко М. Мужество истины. Управляй собой и другими. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с. EDN: UULEEF
9. Хаксли. Олдос. О дивный новый мир: роман / пер. с англ. О. Сороки. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 284 с.

A.V. Konyushkov
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Novokuznetsk, Russia

ADDICTION, DESIRE AND SATISFACTION: SINGULARITY OF CONTROL

The control society is a concept formulated by Gilles Deleuze at the end of his life, which has become largely prophetic and determining the further development of Euro-centric political thought. Deleuze literally laid the foundations of this concept without revealing its full and comprehensive content. In many ways, control is characterized by the essence of dark vitalism, since control itself is rational to such an extent that it takes root in the exclusively irrational. This study is aimed at analyzing the phenomenon of control in the context of the interaction of the media space of society and the biological principle.

Keywords; Control societies, disciplinary society, media.